

Харсеева Наталия Вячеславовна

кандидат культурологии
dom-hors@mail.ru**ОБРАЗ КУПЕЧЕСТВА В РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX – НАЧАЛА XX В.**

Harseeva Natalia Vyacheslavovna

PhD in Cultural Studies
dom-hors@mail.ru**MERCHANTS IMAGE
IN RUSSIAN LITERATURE OF
XIX – EARLY XX CENTURIES****Аннотация:**

В статье рассмотрены различные аспекты отношения писателей XIX – начала XX в. к купечеству, прослежено отображение процессов социальной трансформации купечества в русской художественной литературе.

Ключевые слова:

купечество, русская художественная литература XIX – начала XX в., П.А. Плавильщиков, Ф.В. Булгарин, И.А. Крылов, В.А. Соллогуб, Н.А. Некрасов и А.Я. Панаева, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, П.И. Мельников-Печерский.

Summary:

The article describes the various aspects of the writer of XIX - early XX century. to merchants, traced a map of processes of social transformation merchants in Russian literature.

Keywords:

merchants, the Russian literature of the nineteenth - early twentieth century., PA Smelters, FV Bulgarin, IA Krylov, VA Sologub, NA Nekrasov and AJ Panayeva, AN Ostrovsky, ME Saltykov-Shchedrin, PI Melnikov-Pechersky.

Русская художественная литература дает достаточный материал для анализа традиционно-сословного склада ума, стиля поведения, строя и образа жизни купечества. Хотя Левандовские, изучив литературные образы купечества, пишут: «Обращение к этой теме еще раз подтвердило, что художественная интеллигенция, естественно, уделявшая основное внимание в своем творчестве тем социальным слоям, которые представлялись ей определяющими для русской жизни, относилась к таковым прежде всего себя, а также дворянство и “народ”. Львиная доля произведений русской художественной литературы и сюжетно, и наиболее значимыми образами связана именно с этой социальной средой. На долю купечества остается не так уж и много» [1, с. 146].

Действительно, не все крупные представители русской литературы останавливались на изображении купеческого быта. У некоторых авторов были лишь короткие, но емкие и выразительные характеристики, данные его представителям. Но были писатели, которые большую часть своего творчества посвятили «торговому сословию» (А.Н. Островский, П.И. Мельников-Печерский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, Глеб Успенский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, П.Д. Боборыкин, М. Горький и другие). Их заслуга в том, что они исследовали торгово-промышленное сословие, а также процессы ломки и перестройки купеческого патриархализма.

Левандовские утверждают (впрочем, как и ряд исследователей [2]), что в «отношении к купечеству писателей, творивших на протяжении полувека, в тоне, которым характеризуется это сословие, в подходе к теме и даже в изобразительных средствах так много общего, что на страницах разновременных произведений создается удивительно цельный, можно сказать, монолитный образ “темного царства”» [3, с. 147]. И далее авторы пишут, что на восприятие писателями этого социального явления часто влияли реликтовые черты их собственного сознания, которые, в общем, сводились к понятию антибуржуазности. Причем, нельзя сказать, что негативное отношение складывается исключительно к купеческому сословию. Вспомним – в русской литературе достаточно произведений, в которых и дворянство изображено с явным недоброяжелательством (например, антидворянские басни Крылова, «нравственно-сатирические» романы Булгарина, комедии Островского и другие). Тем не менее, наряду с отрицательными характеристиками, которые давались «купцам-толстосумам» представителями отечественной литературы, прослеживается и традиция изображения положительного (хоть и не во всем) образа делового человека. Вопрос об отношении писателей к изображенному им миру купечества должен решаться диалектически.

Одним из первых в русской литературе XIX века купеческую среду изобразил П.А. Плавильщиков в пьесе «Сиделец» (1803). Автор показал не только отрицательные типы из купеческой среды, но и положительные: «новых людей» сидельца Андрея и купеческого голову Праводола. Их отличает от других купцов тяга к культуре, к знанию, они являются ревнителями добродетели и честных нравов, они осознали значимость купеческого сословия и осуж-

дают тех, кто стремится получить дворянство: «Хороший купец, поставив на честность торг свой, может столько же отечеству принести пользы, сколько дворянин, проливая кровь свою для защиты спокойствия и славы» [4].

Ф.В. Булгарин в романе «Иван Иванович Выжигин» (1829) также показал положительный образ купца, а главное, то, что предпринимательство может привести человека к успеху. Говоря о засилье иностранного капитала во внешней торговле, герой называет лучшие качества русского купечества: «Кажется, у нас есть все средства, чтобы составить почтенное купеческое сословие. Уму, проницательности и сметливости нашего народа отдают справедливость, отдают сами иностранцы. Честь наша в торговле, право, не ниже добродетелей гг. иноземных конторщиков, а в капиталах мы всегда будем иметь преимущество, имея в своих руках сырые произведения нашей земли и русский товар» [5, с. 186]. Писатель не обходит стороной и пороки купечества: «чинобесие», отсутствие долгих купеческих династий, стремление родниться со знатью и другие.

И.А. Крылов в басне «Муха и дорожные» (1808) выводит сердитую мораль. Это вовсе не означало, что баснописец не видел пороков купечества. В басне «Откупщик и сапожник» (1811) Крылов проводит общепринятую мысль о том, что богатство портит человека, не зависимо от его социального положения. В басне «Купец» (1830) обличает жульнические приемы в торговле – купец дает наставления своему племяннику: «Торгуй по-моему, так будешь не внакладе», то есть выдавай гнилое сукно за хорошее английское [6, т. 2, с. 632]. В итоге купец и сам обманут. Но мораль басни намного шире: в ней речь не о купеческих пороках, а о том, что все общество проникнуто идеей наживы. Крылов подчеркнул проникновение духа стяжательства в русское общество, а не только в купечество.

А в поэме «Купец» И.С. Никитина главный герой из «голи перекатной» становится богачом, ограбив приютившего его лавочника.

А.Ф. Вельтман в «Соломее» (1846) показал то, что купечество начинает осознавать свою значимость и отовсюду постепенно вытесняет дворянство: перебирается в их особняки, усадьбы, присутствует в зале благородного собрания в Москве, и при этом копирует обычаи дворян. В произведении представлены два поколения купцов: придерживающиеся старых нравов и молодое купечество, получившее образование в пансионе.

Тема становления русской буржуазии, способной потеснить родовитое дворянство, прослеживается и в повести В.А. Соллогуба «Тарантас» (1840, 1845). Автор проводит мысль о том, что формирование русской буржуазии возможно только благодаря образованию, а экономические успехи должны быть закреплены культурными достижениями.

Л.Н. Толстого показал разное отношение дворянства и интеллигенции к купечеству. Князь Степан Александрович Облонский, получив наличные после продажи леса купцу Ракитину, был настроен весьма благодушно. Ведущего рациональное хозяйство помещика Константина Левина, ставшего свидетелем выгодной сделки, разбирало раздражение:

«– Однако как ты обходишься с ним! – сказал Облонский. – Ты и руки ему не подал. Отчего же не подать руки?»

– Оттого, что я лакею не подам руки, а лакей во сто раз лучше.

– Какой ты, однако, ретроград! А слияние сословий? – сказал Облонский.

– Кому приятно сливаться – на здоровье, а мне противно» [7, с. 177].

Сатирически характеризует представителя «торгового сословия» Гончаров в романе «Обрыв»: «купец, то есть шляпа, борода, крутое брюхо и сапоги...» [66, с. 191].

Подобное описание внешнего облика купца есть и у Н.А. Некрасова в стихотворении «Железная дорога»:

В синем кафтане – почтенный лабазник,

Толстый, присадистый, красный как медь... [8, с. 139].

А в романе «Три страны света» (1848–1849), написанным Некрасовым в соавторстве с А.Я. Панаевой, на фоне отрицательных качеств русской буржуазии отмечается ее деловитость, предприимчивость и энергичность.

У Н.В. Гоголя о купцах говорится немного, но некоторые его характеристики стали крылатыми. Вспомним хотя бы те наименования, которые дает им в «Ревизоре» городничий: «самоварники», «аршинники», «протобестии», «надувалы морские». Положительный тип писателю не удался, хотя Гоголь будущее России связывает с таким купцами, как Муразов: «Это человек, который не то что именем помещика – целым государством управит» [9, т. 5, с. 295].

Как известно, именно с именем А.Н. Островского связывают появление в русской литературе нового пласта жизни – быт и нравы купечества. В юношеских «Записках замоскворецкого жителя» он представил себя первооткрывателем загадочной и неведомой читателям страны.

Но видим, что Островский был продолжателем традиции изображения пороков и добродетелей купечества, которая сложилась к тому времени в русской литературе.

Первым серьезным произведением в творчестве Островского была пьеса «Свои люди – сочтемся!» (1849), которая принесла славу писателю. В основу сюжета драматург положил такое злостное явление, как незаконное банкротство. Причем это преступление совершено при содействии судейского чиновника. Коррупцированный представитель власти за деньги готов вступить в преступный союз с ненавистным ему купечеством.

По поводу этой пьесы возмущался цензор М.А. Гедеонов: «Все действующие лица: купец, его дочь, стряпчий, приказчик и сваха – отъявленные мерзавцы. Разговоры грязны, вся пьеса обидна для русского купечества» [цит. по: 10].

А такие общественные деятели, как А.С. Хомяков, М.П. Погодин, Н.Г. Чернышевский и, особенно, Н.А. Добролюбов не уставали восхищаться первыми пьесами молодого драматурга. Статьи Добролюбова задали тон воспроизведению купечества в русской литературе. Вот что пишет по поводу его статей представитель одной из известных московских купеческих семей П.А. Бурыйшкин: «По содержанию его статьи далеко не беспристрастны и дают его намерениям и взглядам далеко не то истолкование, которое было у самого автора» [11, с. 101].

И сам Островский вовсе не считал свое творчество и, в частности, комедию «Свои люди – сочтемся!» обличительной сатирой купеческих нравов, которая была бы оскорбительна для лиц торгового сословия. «Труд мой, еще не оконченный, – писал он В.И. Назимову, – возбудил одинаковое сочувствие и производил самые отрадные впечатления во всех слоях московского общества, больше всего между купечеством. Лучшие купеческие фамилии единодушно, гласно изъявляли желание видеть мою комедию в печати и на сцене. Я сам несколько раз читал эту комедию перед многочисленным обществом, состоящим исключительно из московских купцов, и, благодаря русской правдолюбивой натуре, они не только не оскорблялись этим произведением, но в самых обязательных выражениях изъявляли мне свою признательность за верное воспроизведение современных недостатков и пороков их сословия и горячо высказывали необходимость дельного и правильного обличения этих пороков (в особенности превратного воспитания) на пользу своего круга. В глазах этих почтенных людей, правда и польза, коей они от нее научились, исключила всякую мысль об оскорблении мелкого самолюбия» [12, с. 8].

Наряду с «добролюбовскими» толкованиями пьес Островского, появилась и статья известного критика Ап. Григорьева «После “Грозы”», в которой автор подчеркивал, что драматург прежде всего бытописатель, беспристрастно отражающий в своих произведениях действительность такой, какой он ее видит и понимает, и отмечающий пороки и недостатки у всех групп общества, а не только у купечества. Он не сатирик, а «народный поэт», который органически связан с изображаемой им средой, полно и любовно отразивший ее мировоззрение.

Оба критика выделяли только те стороны творчества Островского, которые были им ближе в плане социально-политических оценок, и обходили те, которые в эти оценки не укладывались.

Сам драматург был убежден, что, показывая те преходящие и временные пороки, которые могут и должны быть искоренены, он тем самым помогает купечеству подняться на более высокую ступень развития, не порывая в тоже время с лучшими сторонами его среды, здоровой в своей основе.

П.Д. Боборыкин писал об Островском: «...он совсем не захватил новейшего развития нашего буржуазного мира, когда именно в Москве купеческий класс стал играть и более видную роль... А автор пьесы «Свои люди – сочтемся!» не желал изменять своему основному типу обличительного комика, трактовавшего все еще по-старому своих купцов» [13, т. 1, с. 295]. Но он был не прав: в целом ряде своих пьес драматург показывает представителей промышленности и торговой буржуазии, выросшей из купечества – Прибытков в «Последней жертве», Васильков в «Бешенных деньгах», Возжеватов, Паратов и Кнуров («из крупных дельцов последнего времени») в «Бесприданнице», Беркутов в «Волках и овцах» и другие. По сравнению с представителями дворянства эти образы, бесспорно, выигрывают: Васильков и порядочнее, и деловитее Кучумовых, Телятевых и Чебоксаровых, и Прибыткову неслучайно отведена главная роль в разоблачении Дульчина. Островский раскрывает в них ряд ценных качеств – работоспособность, энергию, деловую честность, скромность и т.п. Но в то же время драматург не обходит стороной отрицательные свойства дельцов – почти что все они «хищники», искусно скрывающие свою сущность под маской благочестия, но не останавливающиеся в достижении своих целей перед циничным попранием чужой личности.

М.Е. Салтыков-Щедрин впервые обратился к изображению купечества в «Губернских очерках». В отличие от Островского, он интересовался не столько бытовым укладом жизни

«торгового сословия», сколько его социальной биографией. В драматической наброске «Что такое коммерция?» писатель показал классовую слабость российской буржуазии, которая обусловлена неразвитостью общественно-экономическими отношениями в стране. Купеческие дела полностью зависели от всевластия, хищничества и произвола чиновников.

Купцы наживают огромные капиталы на казенных подрядах, подкупая «шимпанским» соответствующих чиновников – «с казною дело иметь выгоднее всего; она, можно сказать, всем нам кормилица» [14, т. 1, с. 247]. От этого «союза» купца-грабителя с чиновником-мздоимцем достается и народу: «С начальством для нас выгодней, потому что хошь и есть там расход, да зато они народ уж больно дешево продают. Дашь писарю сто рублей, так он хошь всю волость за тобою закрепит» [15, с. 251]. Вообще в изображении Щедрина купечество – и без того «темная сила», по определению, – вступая в союз с чиновником, начинает внушать ужас – ведь речь идет о неприкрытом разграблении страны.

В понимании писателя, капиталистическое развитие России было необратимой исторической закономерностью, но воспринималось им отрицательно, преимущественно со стороны его разрушительных сил в сфере общественных идеалов и морали. «Идет чумазий! – почти с отчаянием восклицал Щедрин. – Идет и на вопрос: что есть истина? Твердо и неукоснительно ответит: распивочно и на вынос!..» [16, с. 251]. В этих словах слышится презрение, которое испытывала творческая интеллигенция к купечеству.

П.И. Мельников-Печерский, будучи глубоким знатоком русского раскола, несколько иначе подошел к теме купечества. В хронике «В лесах» и «На горах» его герои – «люди старой веры», «сектанты», противники «никоновской церкви», занятые вопросами религии и культа. Но это не мешает им вести торговлю, прибегая к обману и мошенничеству. И Смолокуров, и Лохматый недалеко ушли от героев Островского. Но наряду с ними писатель пытается дать тип нового, просвещенного купца, который ведет свое дело уже на совершенно других началах.

Из беседы главного героя Патапа Максимыча с будущим зятем Василием Борисовичем, видно, что Мельников-Печерский правильно понял роль отдельных представителей торгового класса в промышленном развитии России: «А как дело-то начиналось. Выискался смышленный человек с хорошим достатком, нашего сословия был, по-древнему благочестивый. Коноваловым прозывался. Завел небольшое ткацкое заведение, с легкой его руки дело пошло. И разбогател народ, и живет теперь лучше здешнего. Да мало ли таких мест по России. А везде доброе дело одним зачиналось. Побольше бы Коноваловых у нас было, хорошо бы народу жилось» [17, т. 7, с. 159].

А.П. Чехов сравнительно мало уделил внимания купеческому быту в своих произведениях. Рассказ «Случай из практики» – один из самых характерных примеров отношения интеллигенции того времени к промышленности, к фабрике и к капитализму: «Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара: сотни людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец. Но какие выгоды, как пользуются ими?.. И выходит так, значит, что работают все эти пять корпусов и на восточных рынках продается плохой ситец для того только, чтобы Христина Дмитриевна могла кушать стерлядь и пить мадеру» [18, т. 8, с. 345].

В повести Чехова «Три года» один из братьев Лаптевых ненавидит свое происхождение, считая его источником всех зол: «Какой там именитый род?.. Деда нашего помещики драли, и каждый последний чиновник бил его в морду» [19, т. 9, с. 80].

Перу Чехова принадлежит и, казалось бы, положительный образ купца Лопехина из «Вишневого сада»: у него «тонкая, нежная душа»; он энергичен и трудолюбив (работает «с утра до вечера»), умен и предприимчив. Но за внешней культурностью скрывается та же грабительская сущность.

П.Д. Боборыкин полагал, что его романы как результат «наблюдений над новым купеческим миром» заменят в сознании читателей купеческую Москву Островского и создадут новое отношение к «московской буржуазии» [31, с. 295]. На протяжении двух десятилетий Боборыкин пишет свои лучшие романы о русском капитализме, составившие своего рода трилогию: «Дельцы» (1874), «Китай-город» (1882), «Василий Теркин» (1892). Он верно воспроизводит разные слои русской буржуазии. В том, что он описывает, есть здоровое и больное, дурное и хорошее, дикое и культурное, есть авантюризм, грабительство, но есть и честность, трудолюбие, хороший расчет.

В «Дельцах» Боборыкин раскрывает тайны буржуазной наживы, показывает мир новых дельцов, ничего старокупеческого, старообрядческого, хитрого, «себе на уме», по мелочам. В романе выведен образ Саламатова, финансового туза, умеющего организовывать дутые

промышленные компании, добывать выгодные железнодорожные концессии: «Все нам принадлежит во всей болотной столице, а, стало, и в остальном любезном отечестве». Вокруг него – пройдохи, хищники, эксплуататоры, продажные журналисты, юристы.

В «Китай-городе» перед нами проходит вереница представителей купечества: Калакуцкий – биржевой спекулянт, игрок и авантюрист, «хапающий» деньги по классическому принципу – пан или пропал; Марья Орестовна, Людмила Петровна – представители денежной олигархий, стремящиеся украсить свои балы и званые вечера родовитыми князьями и баронессами и сами усиленно гримирующиеся под аристократок; Лещов, Красноперый, Взломцев, Евлампий Нетов – амбаровладельцы с «патриотическими» идеями, разменивающие принципы классического славянофильства на мелкую монету великодержавного чванства и гей-славянщины; Виктор Стапнцын – развихленный, лишенный каких-либо ориентиров и идеалов, прожигатель жизни, пускающий по ветру унаследованные от папеньки капиталы; Любаша – пришибленная не пошедшей на благо «эмансипацией» доморощенная «нигилистка», не умеющая да и не желающая совладать со своим нравом; купец-самодур Гордей Парамоныч, который, не поморщившись, «слопал» мадам Гужо, управлявшую меблированными комнатами.

Развитие России Боборыкин связывает с честными дельцами – Станицыной, Осетровым, Рубцовым. Им суждено, по его мнению, в скором будущем руководить не только производственно-экономической, но и политической, культурной, умственной жизнью русского общества.

В центр романа «Василий Теркин» поставлен «положительный» буржуа из крестьян, мечтавший сделать Волгу судоходной рекой, а ее берега – цветущим садом. Писатель показал сильного и яркого представителя среды, хищного, но привлекательного в самоутверждении, рожденного средой и ее организующего; любовь Теркина к богатству; историю его обогащения; его идеологию, предполагавшую существование закона всеобщего обогащения, на основе которого крестьянство может уйти «от нищенства и пропойства».

Спустя три года после опубликования «Василия Теркина» Д.Н. Мамин-Сибиряк пишет роман «Хлеб», в котором использует ту же ситуацию, что и Боборыкин, но освещает ее с других литературно-эстетических позиций, возможно, полемизируя с ним. У Галактиона теряются представления о нормах нравственности, притупляется ощущение разницы между добром и злом и вырабатывается «философия крупных капиталистов – именно, что мир создан специально для них, а также для их же пользы существуют и другие людишки» [20, т. 7, с. 193]. Увлеченный горячкой «кабацкой войны», он не задумывается над тем, что в результате грязной операции погибли люди. Мамин-Сибиряк, в отличие от Боборыкина, показывает, что невозможно и капитал нажить и невинность соблюсти. «Меня вот это и удивляет, что в вас никакой совести нет» [21, с. 100], – резюмирует доктор Кочетов в романе «Хлеб». У Боборыкина же Василий Теркин декларирует о себе: «И совесть моя чиста» [22, с. 190].

Боборыкин показывает лишь облагораживающее влияние буржуазных отношений на своих героев, видя в образованности, культуре и здравомыслии просвещенного купца залог его благодеяний для общества, а Мамин-Сибиряк – процесс распада человеческой личности, вставшей на дорогу предпринимательства. Он приближается в решении этой темы к Горькому.

В критике выбор героя в романе «Василий Теркин» вызвал возражения, поскольку с ее точки зрения общество отказывалось верить в существование положительного типа в купеческом мире, как и в деловой сфере других сословий. Под защиту Боборыкина взял Горький, который говорил о связи образа Якова Маякина в «Фоме Гордееве» с образом Василия Теркина: «В книге “Фома Гордеев” видное место занимает владелец канатного завода Яков Маякин, тоже человек “железный” и при этом “мозговой”, он уже способен думать шире, чем требуют узколичные его интересы, он политически наточен и чувствует значение своего класса. В действительности я не встречал человека, оформленного психологически так, как изображен мною Маякин. В литературе знал только одну попытку изобразить политически мыслящего купца – Василия Теркина – в романе П. Боборыкина» [23, т. 4, с. 478–479].

«Фома Гордеев» – одна из первых крупных вещей Горького, появившаяся в конце XIX века. «Эта повесть... должна быть широкой, содержательной картиной современности, и в то же время на фоне ее должен бешено биться энергичный здоровый человек, ищущий дела по силам, ищущий простора своей энергии. Ему тесно. Жизнь давит его, он видит, что героям в ней нет места, их сваливают с ног мелочи...» И дальше: «Фома – не типичен как купец, как представитель класса, он только здоровый человек, который хочет свободной жизни», – пишет автор

[24, с. 441]. Нетипичен он потому, что борется со своей средой, протестует против ее образа жизни, обличает купцов за их пороки и преступления. «Не жизнь вы сделали, а тюрьму; не порядок вы устроили – цепи на человека выковали... Душегубы вы», – восклицает он» [25, с. 57].

Истинными героями повести все же являются старшие представители купечества – хищники, самодуры и преступники. Всех их объединяет стремление к наживе, нежелание останавливаться перед чем бы то ни было, даже перед преступлением, для достижения своих целей. «Вот Луп Резников – он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Говорят, он задушил одного из своих гостей, богатого сибиряка... Зубов в молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился... Кононов судился за поджог...» [26, с. 258].

Популярный писатель начала XX века А.В. Амфитеатров в своем романе «Девятидесятники» (1910), описывая реальных людей, дает любопытную характеристику С. Мамонтову, подмечая главное, что отличало новое поколение меценатов от первых собирателей и коллекционеров из купечества: «Миллионер, железнодорожник и кругом артист. Оперу держит, картины пишет, стих сочиняет, бюсты ваяет, баритоном поет, Цукки танцы показывал, Шаляпина открыл и на ноги поставил, Васнецова в люди вывел, Косте Коровину дорогу расчистил, теперь с Врубелем возится, как мать с новорожденным... Куда ни двинь его в искусстве, с какой стороны ни тронь, во всем знаток и работник...» [27, т. 1, с. 134].

Итак, рисуя образы купечества, писатели объективно отражали процессы социальной трансформации русской буржуазии, отход ее от прежнего патриархализма, переход к новым формам хозяйствования, подчеркивая при этом как положительные, так и отрицательные стороны купечества. Во всяком случае, уверенно развивающаяся буржуазия не могла не интересоваться писателей. «Фигура купца с настойчивым упорством начинает овладевать вниманием русских писателей, – писал Н.А. Солодовников. – И чем дальше, тем больше... И воспеваемое, и ненавидимое купечество упорно врывается в русскую жизнь. Оно приковывало к себе внимание» [28]. Но все же относительно положительные образы встречаются в русской литературе значительно реже, чем отрицательные. И это объясняется тем, что такие, генетически присущие деловым людям, качества, как расчетливость, рациональность, деловая предприимчивость, хотя и не были маргинальными, но не пользовались в России таким уважением, как на Западе. Культ энергичного делового человека, сильной личности никогда не был распространен в российском обществе. Точно так же благотворительная и меценатская деятельность купеческого сословия практически не нашла отображения в русской литературе.

Ссылки:

1. Левадовская А.А., Левадовский А.А. «Темное царство»: Купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 146–159.
2. См.: Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991; Милехина Т.А. Образ предпринимателя в русской словесности // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 108–114; Бухарев В.М., Аккуратов В.С. От неприятия скопидомства до борьбы с «контрреволюцией быта» // Отечественная история. 2002. № 1. С. 163; Перхавко В.Б. История русского купечества. М., 2008 и другие.
3. Левадовская А.А., Левадовский А.А. «Темное царство»: Купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 146–159.
4. Плавильщиков П. Сиделец, комедия в четырех действиях. СПб., 1807.
5. Булгарин Ф.В. Сочинения. М., 1990.
6. Крылов И.А. Соч.: В 2-х т. М., 1984.
7. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1985.
8. Некрасов Н.А. Сочинения. М., 1986.
9. Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1994.
10. Куприна-Иорданская М.С. Годы молодости. М., 1960.
11. Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991.
12. Кашин В.Н. Портреты российских предпринимателей второй половины XIX в. // Традиции и опыт российского предпринимательства: история и современность. Волгоград, 1997.
13. Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2-х т. М., 1985.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1988.
15. Там же.
16. Там же.
17. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 8 томах. М., 1955.
18. Чехов А.П. Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1956.
19. Чехов А.П. Соч.: В 18 тт. М., 1985.
20. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 8 томах. М., 1955.
21. Там же.
22. Боборыкин П.Д. Василий Теркин. М., 1895.
23. Горький А.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1950.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.

27. Амфитеатров А.В. Десятилетие. СПб., 1910.
28. ОР РГБ. Ф. 686. Карт. 3. Д. 1. Л. 10, 12.

References (transliterated):

1. Levadovskaya A.A., Levadovskiy A.A. «Temnoye tsarstvo»: Kupets-predprinimatel' i yego literaturnyye obrazy // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 1. S. 146–159.
2. Sm.: Buryshkin P.A. Moskva kupecheskaya. M., 1991 ; Milekhina T.A. Obraz predprinimatel'ya v russkoy slovesnosti // Vestnik OGU. 2005. № 11. S. 108–114 ; Bukharev V.M., Akkuratov V.S. Ot nepriyatiya skopidomstva do bor'by s «kontrrevolyutsiyey byta» // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 1. S. 163 ; Perkhavko V.B. Istoriya russkogo kupechestva. M., 2008 i drugie.
3. Levadovskaya A.A., Levadovskiy A.A. «Temnoye tsarstvo»: Kupets-predprinimatel' i yego literaturnyye obrazy // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 1. S. 146–159.
4. Plavil'shchikov P. Sidelets, komediya v chetyrekh deystviyakh. SPb., 1807.
5. Bulgarin F.V. Sochineniya. M., 1990.
6. Krylov I.A. Soch.: V 2-kh t. M., 1984.
7. Tolstoy L.N. Anna Karenina. M., 1985.
8. Nekrasov N.A. Sochineniya. M., 1986.
9. Gogol' N.V. Mertvyye dushi // Gogol' N.V. Sobr. soch.: V 9-ti t. M., 1994.
10. Kuprina-lordanskaya M.S. Gody molodosti. M., 1960.
11. Buryshkin P.A. Moskva kupecheskaya. M., 1991.
12. Kashin V.N. Portrety rossiyskikh predprinimateley vtoroy poloviny XIX v. // Traditsii i opyt rossiyskogo predprinimatel'stva: istoriya i sovremennost'. Volgograd, 1997.
13. Boborykin P.D. Vospominaniya: V 2-kh t. M., 1985.
14. Saltykov-Shchedrin M.Ye. Sobr. soch. M., 1988.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Mamin-Sibiryak D.N. Sobr. soch. v 8 tomakh. M., 1955.
18. Chekhov A.P. Sobr. soch.: V 12-ti t. M., 1956.
19. Chekhov A.P. Soch.: V 18 tt. M., 1985.
20. Mamin-Sibiryak D.N. Sobr. soch. v 8 tomakh. M., 1955.
21. Ibid.
22. Boborykin P.D. Vasilij Terkin. M., 1895.
23. Gor'kiy A.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. M., 1950.
24. Ibid.
25. Ibid.
26. Ibid.
27. Амфитеатров А.В. Десятилетие. СПб., 1910.
28. ОР РГБ. Ф. 686. Карт. 3. Д. 1. Л. 10, 12.